
Уютный детектив
Правка, или Смерть в четверг
ПАНСИОНАТ «ЧАЙКА»
И снова море дышит в ~~такт~~,
и чайки кружат над волной...
вставить

Детективные истории Нины Платоновой

Милана Панова

Правка, или Смерть в четверг

«Автор»
2026

Панова М.

Правка, или Смерть в четверг / М. Панова — «Автор», 2026 — (Детективные истории Нины Платоновой)

Нина Платонова наконец-то в отпуске: море, абрикосы и никаких трупов. Но в первое же утро в почтовом ящике оказывается открытка из старого пансионата «Чайка». В его библиотеке по ночам кто-то правит книги красным карандашом по всем правилам корректуры. Правки складываются в послание, а последняя гласит: «В четверг умрёт гость из номера семь». В пансионате отдыхают разгромленный критиком юный фантаст, вдова поэта, детская писательница, бывший судья и очень любезный врач. У каждого свой повод желать смерти гостю из седьмого номера. Нина, капитан Громов и рыжий кот Эклер выясняют, кому нужна эта смерть и кто правил книги. Эта книга самостоятельная, читать можно отдельно от предыдущих частей.

© Панова М., 2026
© Автор, 2026

Милана Панова
Правка, или Смерть в четверг

Правка, или Смерть в четверг
Серия «Красный карандаш», книга 11

Глава 1. Пансионат «Чайка»

Чай я всё-таки выпила. Это принципиально: любое расследование начинается с чашки чая, а заканчивается либо арестом, либо ещё одной чашкой. Андрей, вышедший на крыльцо в майке и мятых шортах, дважды перечитал открытку, поднёс к свету, понюхал бумагу и сказал то, что я ожидала:

— Нина, мы приехали вчера.

— Я знаю.

— Мы никому не говорили, где остановимся.

— Я тоже знаю.

— Значит, кто-то выяснил это за ночь.

— Или хозяйка дома рассказала соседке, а соседка рассказала всему посёлку.

Он посмотрел на меня с тем выражением, которое я называю «капитан нашёл улики и расстроился». Потом молча вернулся в дом, вышел в рубашке и сказал:

— Показывай дорогу.

— Куда?

— В «Чайку». Раз уж она на скале и видна отсюда.

Пансионат действительно был виден: белое здание с колоннами стояло на высоком мысу, над самым морем, как торт на блюде. К нему вела извилистая дорога вдоль обрыва, обсаженная кипарисами. Мы шли пешком: километра два, не больше. Эклер, которого мы оставили в доме, печально смотрел нам вслед с подоконника, но я знала, что через полчаса он найдёт, на кого переключиться, хотя бы на муху.

Утро было прозрачное, ласковое, пахнущее солью и нагретой хвоей. Внизу шумело море, на камнях сидели чайки и ругались друг с другом из-за добычи. Я шла и думала, что человеку, который просит приехать, потому что в библиотеке кто-то правит книги, нельзя отказывать. Хотя бы из уважения к профессии.

Ворота пансионата были распахнуты. За ними начинался парк с пальмами, клумбами и мраморными скамейками, а в глубине сверкало белыми колоннами главное здание. На террасе, под полосатым тентом, стояли столики. За одним из них завтракала пожилая дама в голубой шали. За другим молодой человек с длинными волосами что-то яростно писал в блокноте. В углу двое мужчин играли в шахматы.

— Здравствуйте, — раздался за спиной сухой, негромкий голос. — Вы Нина Сергеевна?

Мы обернулись. На дорожке стояла женщина лет пятидесяти пяти, высокая, плоская, в строгом сером костюме и с тугим пучком светлых волос. На лацкане у неё блестела табличка «Администратор О. Л. Рыбникова». У неё было такое выражение лица, с каким принимают экзамены.

— Я.

— Я вас жду с половины восьмого.

— Мы получили открытку только что.

— Я положила её в семь утра. — Она на секунду замялась. — Я не была уверена, что вы придёте.

— Как вы узнали, где мы?

— У меня есть сестра. Она держит домик с инжиром. Сказала вчера вечером, что приехали гости, женщина-корректор из Н-ска, которую показывали в новостях.

— В новостях?

— «Юбилей с отравленным шампанским». Репортаж был на региональном канале. — Ольга Леонидовна слегка поджала губы. — Простите за бесцеремонность. Но у меня нет другого выхода.

— Что случилось?

— Пойдёмте. Расскажу в библиотеке.

Мы поднялись по мраморным ступеням, прошли через вестибюль, где под высоким потолком качался старинный вентилятор, и оказались в длинном коридоре с красной дорожкой. По стенам висели фотографии: пансионат в разные годы, гости в соломенных шляпах, оркестр на террасе, женщина в белом на фоне заката.

— «Чайка» построена в тысяча девятьсот двенадцатом году, — сказала Ольга Леонидовна, не оглядываясь. — Купец Рыбников. Мой прадед. После революции здесь был дом отдыха писателей. Потом санаторий. С девяносто четвёртого пансионат. Я управляю им двадцать шесть лет.

— Писателей?

— Да. Здесь отдыхали очень известные люди. Поэты, прозаики, критики. Потому и библиотека.

Она открыла высокую дверь с бронзовой ручкой.

Библиотека оказалась огромной, прохладной и пахнущей старой бумагой. Двухэтажная, с галереей, с винтовой лестницей, с полками до потолка, заставленными книгами в потёртых обложках. На столе у окна горела зелёная лампа. В кресле, свернувшись, спал серый кот. Очень толстый и очень довольный жизнью.

— Это Фолиант, — пояснила Ольга Леонидовна. — Он старше меня по должности.

Я невольно улыбнулась. Но она не улыбнулась в ответ.

— Нина Сергеевна. Я двадцать шесть лет работаю в этом доме и ни разу не обращалась к посторонним. Но вот уже неделю по ночам в библиотеке кто-то правит книги.

— Правит?

— Красным карандашом. Не пишет, не рисует. Именно правит. Как в типографии. С какими-то значками на полях.

— Корректурными знаками.

— Наверное. Я в этом ничего не понимаю. — Она подошла к полке и достала толстый том в синем переплёте. — Вот, посмотрите.

Я надела очки и раскрыла книгу.

Это был сборник стихов, изданный в шестидесятых годах. Бумага пожелтела, типографская краска слегка расплылась. На странице сорок седьмой тянулось стихотворение о море. Строки ровные, классические, четырёхстопный ямб. И на полях, красным, ярким, точным, как скальпелем, были вычерчены знаки.

Над одним словом стояла петля с хвостиком. Знак удаления. Рядом, на поле, вставлено другое слово. Над другим словом горизонтальная чёрточка и стрелка: знак транспозиции, поменять местами. Внизу страницы, под последней строкой, аккуратно, как в настоящей корректуре, значилось: «Вставить:» и два новых стиха.

Я смотрела и чувствовала, как сердце начинает стучать быстрее.

— Это не просто правка, — сказала я негромко. — Это профессиональная работа.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Человек, который это делал, знает знаки лучше, чем многие мои коллеги. Видите? Знак удаления с правильным хвостом. Вставка со стрелкой. Каждая отметка продублирована на поле, как положено по ГОСТу. Это руки корректора старой школы.

— Но зачем?

— Не знаю. — Я опустила книгу. — Покажите остальные.

Ольга Леонидовна вынула ещё одиннадцать книг. В каждой красным карандашом были внесены правки: где-то заменено слово, где-то переставлена строка, где-то добавлено двустишие. Я разложила их на столе в ряд, как раскладывают пасьянс, и стала читать только исправленные места.

— Нина, — тихо сказал Андрей, подойдя сзади. — Что-нибудь видишь?

— Пока нет. Но… подожди.

Я взяла с полки сборник «Тихий берег». Автор: Э. Вольский. Выходные данные: тысяча девятьсот девяносто девятый год. На обложке мужчина в шляпе стоял у моря, спиной к зрителю. На титуле красовалась надпись: «Роман в стихах». Я открыла наугад. Красная правка была и здесь. Девять слов заменены, двадцать две вставлены, одиннадцать убраны. И каждая исправленная строчка, если читать их подряд, не вразброс, а по порядку, складывалась в совершенно другой текст.

«Он знает. Ты помнишь. Берег. Двадцать третье июня».

— Что это? — прошептала Ольга Леонидовна.

— Послание, — сказала я. — Тот, кто исправлял, не просто поправлял текст. Он писал сообщение, используя чужие стихи как бумагу.

— Кому?

— Тому, кто эту книгу прочтёт.

— Вольскому?

Я вздрогнула.

— Откуда вы знаете?

— Эдуард Борисович Вольский живёт у нас в номере семь. Каждое лето, уже двадцать пять лет подряд. Он литературный критик. Известный человек. — Она замолчала. — Он приехал в субботу.

— И вы думаете…

— Я думаю, что «гость из номера семь» — это он.

Я посмотрела на Андрея. Он смотрел на меня.

— Покажите последнюю правку, — сказала я.

Ольга Леонидовна подвела меня к дальней полке, где стояли подшивки старых журналов, и достала тоненькую брошюру: «Литературный вестник», июнь, девяносто восьмой. На обложке мелким шрифтом был напечатан какой-то рассказ. Она открыла страницу тридцать два.

Красный карандаш прошёл по первому абзацу как коса. Слова «в четверг гость из седьмого номера уедет» были зачёркнуты, а над ними чётко, крупно, красным, написано: «в четверг умрёт гость из номера семь».

Я долго смотрела на это.

— Что-то не так, — сказала я наконец.

— Что именно?

— Не знаю. Но что-то не так.

Глава 2. Знаки на полях

Я просидела над этой страницей почти час.

Андрей ушёл осматривать территорию, Ольга Леонидовна занялась делами, а я, оставшись одна в полумраке библиотеки, при свете зелёной лампы, под мерное мурлыканье серого Фолианта, вернулась к самому началу. Двенадцать книг, двенадцать страниц с правками. Я выписала их в блокнот.

Первая правка. Стихотворение «Прибой» в сборнике шестьдесят четвёртого года. Слова: «Он знает».

Вторая. Поэма «Дорога к дому» в журнале «Нева», семьдесят восьмой. Слова: «Ты помнишь».

Третья. «Тихий берег», Вольский. Слово: «Берег».

Четвёртая. Дата: «двадцать третье июня».

И так далее, всего двенадцать правок. Ещё в них, кроме главного послания, отдельной строкой шло упоминание о каком-то «лебеде»: слово повторялось три раза, дважды с большой буквы. Рядом чьим-то аккуратным почерком были добавлены цифры: «98».

Лебедь. Лебедев. Девяносто восьмой.

Я взяла последнюю брошюру и сравнила с остальными. И вот тут-то и поняла, что меня беспокоило с самого начала.

— Андрей! — позвала я, высунувшись из окна.

Он поднял голову от клумбы, в которой изучал какой-то след.

— Что?

— Иди сюда.

Когда он вошёл, я положила рядом две страницы: тот сборник «Тихий берег» с посланием и журнал «Литературный вестник» с четвергом.

— Смотри. Что отличается?

Он наклонился, прищурился.

— Карандаш, кажется. Здесь красный, ярче. А тут… тусклее.

— Верно. Теперь смотри на знаки.

— Знаки?

— Вот. Видишь, в «Тихом береге» зачёркнутое слово подчёркнуто особым значком? Это знак удаления: петля, как у буквы «з», и хвостик с левой стороны. Корректор ставит его над словом, которое нужно убрать. А потом, на поле, повторяет: пишет тот же знак отдельно, чтобы наборщик не пропустил.

— Это я понял.

— А теперь в «Вестнике».

— Здесь слово просто зачёркнуто. Перечёркнуто линией.

— Именно. И никакого знака на поле. Так правит человек, который не знает правил. Он хочет показать «зачёркнуто», но не умеет сделать «удалить». И вставка написана прямо над строкой, а не на поле со значком «вставить». Профессионал так не поступит. Он знает, что между строк нельзя, там слишком тесно, наборщик не прочтёт.

— То есть правки делали два разных человека.

— Да. Один профессионал, который оставил послание. Второй любитель, который дописал угрозу.

Андрей присвистнул.

— Значит, угрозу на самом деле писал не тот, кто писал послание.

— Скорее всего.

— Зачем?

— Чтобы замаскировать убийство под мистику. Чтобы все решили: это дело рук одного странного, больного человека. Призрака. Отомстителя. А настоящий убийца спокойно воспользуется этим.

— Нина, — Андрей присел на край стола. — Только не говори, что ты уже знаешь, кто.

— Нет. Но я знаю, что нужно искать. Человека, который умеет правильно исправлять книги и у которого есть причина напомнить Вольскому про девяносто восьмой. И отдельного, второго человека, которому нужно, чтобы Вольский умер.

— Два разных мотива.

— Да.

Дверь тихо открылась. В библиотеку вошла невысокая полная женщина лет шестидесяти в голубом форменном халате, с ведром и тряпкой. У неё было доброе круглое лицо, красные от воды руки и седые волосы, туго заплетённые в косу, уложенную вокруг головы. Она остановилась, увидев нас, и вся как-то съёжилась.

— Простите, — сказала она тихо. — Я думала, никого нет.

— Ничего, — улыбнулась я. — Входите.

— Мне только пыль вытереть.

— Конечно.

Она поставила ведро, подошла к полкам и начала протирать корешки. Движения у неё были чёткие, бережные, как у человека, который любит книги не меньше, чем я. Я смотрела на её руки. Потом на карандаш, торчавший из кармана халата. Обычный красный карандаш, толстый, мягкий, заточенный с обеих сторон.

— Как вас зовут? — спросила я.

— Зина. Зинаида Павловна.

— Давно в пансионате?

— Тридцать два года. Горничная, — она улыбнулась виновато. — Раньше иначе было.

— Как?

— Я корректором работала. В издательстве «Прибой». Потом оно закрылось. Мне некуда было идти. Ольга Леонидовна взяла к себе.

Андрей, стоявший у окна, очень медленно перевёл на меня взгляд.

— Зинаида Павловна, — сказала я мягко. — Какие у вас красивые карандаши.

Она подняла голову. Лицо у неё стало растерянным, потом очень испуганным.

— Это… это просто так. Я привыкла. Рука просит.

— Вы правили книги в библиотеке?

— Нет.

— Зинаида Павловна.

— Нет! — Она прижала тряпку к груди. — Я ничего не делала.

— Я не собираюсь вас обвинять. Я корректор. Я знаю, что такое, когда рука просит.

Зина опустилась на стул. Лицо её посерело, пальцы дрожали. Я подошла и села рядом, не торопясь, не наседая. Андрей вышел, неслышно притворив дверь.

— Я никому не хотела вреда, — прошептала она.

— Я знаю.

— Я просто хотела, чтобы он вспомнил.

— Кто?

— Эдуард Борисович.

— Что он должен вспомнить?

Она закрыла глаза. По щеке скатилась слеза.

— Аркадия Лебедева, — сказала она. — И то, что случилось с ним двадцать третьего июня тысяча девятьсот девяносто восьмого года.

— Расскажите мне.

— Я не могу.

— Почему?

— Потому что мне не поверят. Кто поверит горничной?

— Мне можно.

Она посмотрела на меня. В её светлых глазах, увеличенных мокрыми ресницами, стояли такая усталость и такая боль, что мне стало неловко.

— Я расскажу, — сказала она. — Но вы должны мне обещать, что не передадите это следователю, пока я не закончу.

— Не могу обещать.

— Тогда я не скажу.

— Хорошо. Я обещаю подождать. Не больше суток.

Зина кивнула, вытерла глаза, глубоко вздохнула.

— Аркадий Лебедев был поэтом, — начала она. — Настоящим. Таким, какие бывают раз в сто лет. Я набирала его стихи на машинке. Одиннадцать лет. Он приезжал сюда каждое лето, писал на террасе, читал нам вечерами. Вольский был его другом. Рецензировал, помогал печататься. А в девяносто восьмом Аркадий написал поэму. «Тихий берег». Лучшее, что он создал. Он дал её Вольскому почитать. А через неделю он утонул.

— Утонул?

— В тот вечер был шторм. Он пошёл к морю читать. И не вернулся. Его нашли через два дня на камнях под скалой.

— А поэма?

— Поэма исчезла. — Зина подняла на меня глаза. — Но через год вышла книга. «Тихий берег». Автор: Э. Вольский.

Глава 3. Ужин на террасе

В семь часов вечера на террасе пансионата подавали ужин.

Накрывали на открытом воздухе, под полосатым тентом, на длинном столе с белоснежной скатертью. На столе стояли свечи в стеклянных колпаках, кувшины с компотом, блюда с шашлыком, овощами, лавашом. Над морем догорал закат, окрашивая небо в розово-лиловые тона. Внизу, у подножия скалы, тихо шумел прибой.

Ольга Леонидовна, сразу после нашего разговора в библиотеке, предложила нам остаться как гостям на несколько дней: «Хочу, чтобы вы были рядом». Я согласилась. Андрей, поворчав, что в отпуске полагается спать до обеда, согласился тоже. Мы перебрались в номер на первом этаже, окнами в парк, и Эклер, которого я привела из домика в переноске, немедленно обошёл все углы, обнюхал мебель и заявил, что здесь лучше, чем дома, и значит, следует занять лучшее кресло.

За ужином нас представили гостям.

— Это Нина Сергеевна Платонова и Андрей, — объявила Ольга Леонидовна. — Наши новые постояльцы. Прошу любить и жаловать.

Все повернули головы. Я быстро пересчитала лица: восемь человек, не считая нас.

Во главе стола сидел тот, кого я представляла иначе. Эдуард Борисович Вольский оказался невысоким, плотным, лысоватым человеком шестидесяти шести лет, в вишнёвом бархатном пиджаке и с красным лицом. У него были живые чёрные глаза, пухлые руки и голос, который слышно с другого конца улицы. Он ел, говорил и смеялся одновременно, отчего казался и заразительно радостным, и немного пугающим.

— Корректор, — произнёс он, когда я села. — Наконец-то! Милая, вы знаете, как давно я мечтал поговорить с человеком, который отличает «ненароком» от «невзначай»?

— Это не совсем одно и то же, — сказала я.

— Вот! — торжествующе воскликнул он. — А мне говорили, что одно и то же. Лосев, слышите? Не одно и то же!

Молодой человек с длинными волосами, сидевший напротив, мрачно ткнул вилкой в шашлык.

— Я слышу.

— Лосев, друзья, — Вольский обвёл стол рукой, — наш юный гений. Автор фэнтезийного эпоса «Хроники Белой Бури». Семьсот страниц. Пять томов. Я прочёл первый и умер. Ха!

— Я просил вас не говорить об этом, — тихо сказал Лосев.

— Но это правда! Я в рецензии написал: «Книга, в которой дракон встречается чаще, чем запятая». И был прав.

Дима Лосев, двадцати шести лет, худой, с запавшими щеками и красными от недосыпа глазами, побледнел.

— Эдуард Борисович, — вмешалась дама в голубой шали, сидевшая справа. — Вы же обещали.

— Инесса Марковна, дорогая, я ничего не обещал. Я пошутил.

— Это не шутка. Это жестоко.

Ей было около семидесяти, она сидела прямо, держа в тонких морщинистых пальцах стакан с компотом, и в её чертах, строгих, чуть высокомерных, угадывалась прежняя красота. Инесса Марковна Лебедева, вдова поэта, как мне шепнула Ольга Леонидовна. Она приезжала сюда каждое лето уже двадцать пять лет, с тех пор, как муж утонул.

— Простите, — буркнул Вольский. — Я не со зла.

— Вы никогда не со зла, — ответила она. — Это и страшно.

За столом повисла неловкая пауза. Её нарушила женщина лет сорока восьми, полная, румяная, в цветастом платье, которая сидела между Вольским и пожилым шахматистом.

— Давайте о приятном! — сказала она бодро. — Меня зовут Элеонора Цветкова. Я детская писательница. «Приключения ёжика Пафнутия», может, слышали? Двенадцать книг, сто тысяч тираж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.